

УДК 008(476)

UDC 008(476)

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

CULTURAL PRACTICES AS A MEANS OF PRESERVATION OF BELARUSIAN INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

Е. Г. Наумова,
*аспірант кафедры культурологиі
Белорусскаго дзяржаўнага
універсітэта культуры і мастацтваў*

E. Naumova,
*postgraduate student of the Department
of Cultural Studies, Belarusian State
University of Culture and Arts*

Поступила в редакцию 04.10.2024.

Received on 04.10.2024.

В статье в культурологическом контексте рассматривается феномен культурных практик, характеризуются их основные виды и формы, определяется специфика культурно-образовательных практик, раскрывается их значение в сбережении, развитии и популяризации белорусского нематериального культурного наследия в сфере отечественного образования.

Ключевые слова: культурные практики, культурно-образовательные практики, нематериальное культурное наследие, сфера образования.

In the article the phenomenon of cultural practices is considered in the culturological context, their main types and forms are characterized, the specificity of cultural and educational practices is determined, their significance in preserving, developing and popularizing the Belarusian intangible cultural heritage in the sphere of national education is revealed.

Keywords: cultural practices, cultural and educational practices, intangible cultural heritage, education sphere.

Введение. В современном мире нематериальное культурное наследие рассматривается как уникальный феномен, важнейшая часть национальной культуры и источник ее развития, живое свидетельство духовных устремлений и творческого потенциала людей. В международном культурологическом дискурсе нематериальное культурное наследие рассматривается как передаваемые от поколения к поколению обычаи, знания и навыки, инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства. Как подчеркивает известный белорусский культуролог А. И. Смолик, культурное наследие в целом играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития современного белорусского общества: «В процессе жизнедеятельности многих поколений белорусского народа, направленной на реализацию многообразных материальных и духовных потребностей, определяющих основное содержание человеческого бытия, было создано бесчисленное множество артефактов материальной культуры, а также нематериальных проявлений народного творчества. Передаваясь от поколения к поколению, они являлись свидетельствами уровня развития общества на разных этапах, богатства духовной жизни, выразите-

лями эстетических идеалов. В конечном результате они становятся фактором сплочения нации, средством интеграции в период кризисов и нестабильности, их невозможно повторить и восстановить после утраты» [1, с. 96]. Это акцентирует важность сохранения белорусского нематериального культурного наследия как социокультурного основания для реализации в общественной практике принципов устойчивого развития и культурных прав человека, взаимного уважения разных этнокультурных традиций.

И. Э. Мартыненко трактует данный феномен следующим образом: «Нематериальное культурное наследие – совокупность присущих этнической, социальной или конфессиональной группе духовных, интеллектуальных и нравственно-этических ценностей, являющихся отражением культурной и национальной самобытности общества и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения» [2, с. 85–86]. Такая трактовка на первый план выводит взаимосвязь мира повседневности, социальных практик и традиционных ценностей. Она подчеркивает специфику механизма сохранения нематериального культурного наследия людьми в устном народном творче-

стве, исполнительском искусстве, традиционных ремеслах.

Традиционными формами проявления нематериального культурного наследия человечества, сохраняющимися и развивающимися благодаря их носителям из числа обычных людей, выступают:

- устные традиции и формы выражения (легенды и предания, пословицы и поговорки, сказки и т. д.), включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия, которые характеризуют устойчиво воспроизводимые народные художественные каноны и сюжеты, обеспечивают сохранение и передачу культурного опыта от одного поколения к другому;
- исполнительские искусства, которые возникли на этапе перехода фольклора к массовой культуре, представляют собой особую сферу художественно-творческой деятельности, благодаря которой осуществляется «посредничество между автором, зафиксировавшим свое творение с помощью плана или определенной системы знаков, и зрителем (слушателем), то есть проникновение в авторский замысел и воспроизведение его доступными для аудитории средствами» [3, с. 81];
- обычаи, обряды, празднества, которые представляют собой форму закрепления общественных отношений и выступают в качестве компонентов социокультурного механизма передачи накопленного в процессе исторического развития народа коллективного опыта с помощью условно-символических действий и ритуалов;
- знания, традиции и обычаи, репрезентирующие мифологическую картину мира в виде символических коллективных действий;
- знания умения и навыки в области народных ремесел (бондарное и гончарное дело, резьба по дереву, плетение из лозы и соломы, кузнечное дело, ткачество и вышивка, валяние войлока и т. д.), которые свидетельствуют об уровне развития материальной культуры народа, характеризуют наиболее эффективные практики организации хозяйственной жизни и технологии изготовления необходимых для жизни предметов.

Целью данной статьи является определение значения культурных практик в сбережении, развитии и популяризации белорусского нематериального культурного наследия в сфере отечественного образования. Для достижения заявленной цели используется культурантропологический подход, в рамках которого «человек изучается через анализ его взаимодействия с природным и искусственным окру-

жением; через исследование причин, факторов и механизмов, обуславливающих порождение, поддержание и изменение людьми создаваемых ими объектов (артефактов)» [4, с. 215]. Данный подход позволяет рассматривать образовательную деятельность как ценностно-конструируемый и социально-регулируемый фактор социализации обучающихся. Он фокусирует внимание на обучающемся как познающей, творческой, созидательной личности, оказывающей позитивное влияние на собственную образовательную деятельность и социокультурную среду. Культурантропологический подход также позволяет в процессе культурологического исследования выявить механизм передачи культурных смыслов, ценностей и навыков от человека к человеку, в том числе в рамках формального и неформального образовательного процесса.

Основная часть. Образование является важнейшим институциональным инструментом, благодаря которому осуществляется многоаспектная деятельность по сохранению, изучению и популяризации нематериального культурного наследия. В данном случае особый интерес представляет ряд вопросов, которые нацелены на выявление его роли в отечественной педагогической практике.

Во-первых, какой вклад вносит белорусское нематериальное культурное наследие в формирование нормативно-ценностного компонента образовательной деятельности в рамках формального образования и поддержание социокультурной коммуникации между агентами образовательной деятельности?

Если в индустриальном обществе основной задачей образования являлось формирование знаний у обучающихся, наличие которых являлось основным критерием их обученности, то в постиндустриальном обществе на первый план вышла задача формирования востребованных рынком компетенций, навыков и умений. Наличие их у индивида свидетельствует о его способности применять полученные знания для достижения какого-либо практического эффекта социального, экономического или технического характера.

Однако подобный утилитаризм ограничивает пространство для самореализации личности, а операционализация компетенций превращает индивида в бездумного исполнителя социальных ролей. Как считает Б. В. Марков, современный человек «не хочет быть только функционером, он ищет живых, душевных связей с другими. Он может встраивать «человеческое» в остывающие социальные пространства социального мира» [5, с. 698]. В результате возникает запрос со стороны обучающихся и обучаемых, направленный на преодоление

утилитарного прагматизма современной системы образования, гуманизацию образования и насыщения образовательного процесса культурными смыслами. Это требует усиления роли аксиологического фактора в образовательной деятельности и поддержания социокультурной коммуникации между ее агентами на основе аутентичных для носителей данной культуры ценностей и норм.

Во-вторых, что представляет собой процесс конструирования образовательного процесса в учреждениях образования, рассматриваемый в контексте репрезентации нематериального культурного наследия как социализационного компонента?

В социальном пространстве современного общества образование является одним из важнейших социальных институтов, а образовательный процесс является социокультурным инструментом формирования личности. Как считает Е. Ф. Акулова, «развитие, воспитание и обучение и есть поддержание социальности, следовательно, основная глобальная цель образовательного процесса – социализация личности» [6, с. 59]. С теоретической точки зрения образовательный процесс необходимо рассматривать как нормативно регламентированный процесс формирования нового уровня у обучающихся теоретических знаний, компетенций, практических умений и навыков. Он осуществляется посредством организации активной познавательной деятельности обучающихся с целью развития их личностных качеств, интеллектуальных и физических способностей. В его основе лежат как универсальные общечеловеческие ценности, так и локальные этнокультурные ценности. Они структурируют фундаментальные сферы человеческой повседневности, определяют социокультурные основы индивидуальной и групповой идентичностей.

В-третьих, какова роль культурных практик как «устоявшихся форм взаимодействия людей, позволяющих производить, сохранять и передавать культурные коды сообществ» [7, с. 551], в сбережении, изучении, развитии и репрезентации белорусского нематериального культурного наследия в сфере образования (в первую очередь, в сфере дополнительного образования детей и молодежи)?

В первую очередь, необходимо обратить внимание на тот факт, что в современных условиях социальным контекстом для реализации культурных практик выступает глобализирующееся мировое пространство, которое оказывает нивелирующее влияние на культурную жизнь любого общества. Как подчеркивает А. И. Смолик, в «глобализирующемся мировом пространстве не только происходит обмен то-

варами, услугами и капиталом, но и циркулируют культурно-символические коды, ценности, стандарты, стилевые формы – маркеры культурной идентичности, все более транснациональные по содержанию» [8, с. 93]. Этот аспект ориентирует на необходимость противодействия процессам деградации и размывания этнокультурной самобытности национальной культуры под глобализационным давлением, в котором значимую роль играют именно культурные практики.

В культурологическом смысле «современное понимание культурной практики включает в себя: разнообразные виды самостоятельной деятельности и складывающиеся пространства организации собственного опыта, в том числе в сфере искусства; поиск и апробацию новых способов и форм деятельности в целях удовлетворения разнообразных познавательных и прагматических потребностей; стихийное автономное приобретение опыта общения и взаимодействия с людьми (участие в интерактивных формах искусства, работа в командах и общественных структурах); приобретение нравственного, эстетического и эмоционального опыта» [9, с. 71].

С одной стороны, культурные практики понимаются как привычные способы и формы организации целеориентированной человеческой деятельности, направленной на самоопределение человека, развитие личности и преобразование окружающей действительности с помощью создания нового культурного продукта. неотъемлемой характеристикой культурных практик является творческая интенция, которая ориентирует созидательную деятельность человека на преобразование духовного мира личности и общественных условий жизнедеятельности.

С точки зрения В. П. Большакова, «культурные практики – это и есть реализация культуры в ее непосредственной действительности» [10, с. 17]. В культурном освоении человеком действительности принято различать две его формы: практики повседневности (регулярно воспроизводящиеся, рутинные действия, способы проведения повседневных занятий и досуга людей) и практики неповседневности (культурные действия и религиозные ритуалы, духовные искания, йога, спортивные состязания, формализованные практики социальных институтов культуры) [10, с. 17]. Также В. П. Большаков акцентирует внимание на существовании в обществе гендерных культурных практик, которые выражают «своеобразие мужского и женского в культуре, реализуемое в разных формах проявлений мужественности и женственности, мужского и женского поведения» [11, с. 60]. Своё выражение они находят в нор-

мативном содержании социальных ролей, формах хозяйственной и профессиональной деятельности, моделях освоения мира природы, структурировании городского пространства и др.

Культурные практики выступают в качестве основы, благодаря которой «происходит самоидентификация индивидов, формирование стиля жизни, спецификация поведения в частном и публичном пространствах – собственно, репродукция культуры в повседневном существовании различных социальных групп» [12, с. 232]. Исторически закрепляясь в форме традиции, индивидуальные и коллективные культурные практики обеспечивают организацию мира повседневности, формируют бытовую культуру, регламентируют брачно-семейные отношения, религиозные церемонии, гастрономические предпочтения и запреты. Одновременно культурные практики являются специфичным адаптивным механизмом, который позволяет повысить эффективность процесса социализации индивида, гармонично встроить его в определенный социокультурный контекст.

С другой стороны, культурные практики «представляют собой коммуникативные процессы, т. е. деятельность, взаимодействие, активность со стороны коммуникаторов, позволяющие культуре быть динамичной» [7, с. 551]. Содержанием этих процессов является модификация индивидуального и группового поведения, поиск и апробация новых способов и форм деятельности с целью удовлетворения различных потребностей человека. Их коммуникативная природа позволяет постоянно актуализировать значение того или иного компонента нематериального культурного наследия через процесс коллективного обучения, созидательную творческую деятельность людей, культурные события и социокультурные процессы. Так, культурные практики в виде традиционных для системы образования форм организации учебной деятельности (тематическая экскурсия, историческая реконструкция традиционных обрядов и праздников, организация мастерских по сохранению и развитию народных ремесел, проведение фестиваля, реализация исследовательского проекта и т. д.) не только генерируют культурные смыслы, связанные с определенными культурными объектами и процессами, но и способствуют развитию культурной памяти.

Посредством включения культурного артефакта в процесс межличностного взаимодействия, передачи культурных смыслов и ценностей обеспечивается его превращение в компонент личного опыта человека. Как отмечает А. М. Шугаев, «расширение использования элементов традиционной культуры в обучении

помогает обучающемуся почувствовать свое единство с представителями определенной этносоциальной общности, в значительной степени способствует формированию национального самосознания личности» [13, с. 135].

Культурные практики как способы и формы действий, в которые включен человек в силу своей заинтересованности в реализации интересов и удовлетворении потребностей, являются порождением процесса многовекового развития культуры. По мнению исследователей, богатство и многообразие форм культурного процесса, в который вовлечен человек индивидуально или в составе группы, а также многообразие соответствующих видов деятельности в сфере культуры определяют возможность выделения различных форм культурных практик, к которым можно отнести:

«культурные практики в зависимости от особенностей институтов, отраслей сферы культуры (театральные, выставочные), регионов (сельские, городские) или социальных групп (молодежные, детские), выполняющие определенные функции (просветительские, творческие) и т. д.» [7, с. 551];

«участие в иммерсивных и интерактивных видах искусства, мастерских, творческих группах, мастер-классах, практиках ума и речи, дискуссионных площадках, квестах, различных имитационных и игровых действиях и т. п.» [9, с. 71];

«практики организации досуга (посещение театров, музеев, художественных выставок, просмотр телепередач), музыкальные предпочтения, практики чтения и интернет как досуг и источник культурного контента» [14, с. 18].

Н. Ф. Ильина в качестве самостоятельного вида выделяет культурные практики в педагогической деятельности, понимая под ними «разнообразие способов действия, духовно-нравственного поведения, общения и взаимодействия педагога с другими людьми» [15, с. 142]. К ним относятся такие виды педагогической деятельности, которые содействуют выстраиванию педагогом системы профессиональных действий в контексте ценностно мотивированного и ответственного отношения к миру и другим людям: тьюторскую, диагностическую, проектную, информационно-поисковую, исследовательскую, коммуникативную деятельность и т. д. [15, с. 142].

Л. М. Ванюшкина и Е. Н. Коробкова вводят понятие «культурно-образовательные практики», которые «могут быть определены как эффективный механизм, обеспечивающий вхождение человека в культуру, позволяющий определить границы ее актуального пространства и закрепить важный для данного общества социокультурный код» [16, с. 198]. Этот термин

характеризует процесс приобретения, воспроизводства и развития социокультурного опыта на основе традиционных этнокультурных норм и ценностей. Данный механизм делает возможным этнокультурную самоидентификацию индивидов, формирование индивидуального стиля жизни, воспроизводство образцов культуры во всех сферах общественной жизни разными группами. Основными характеристиками культурно-образовательных практик являются: субъектность, неформальность, культуросообразность, нелинейность, внеаудиторность, ориентация на деятельное участие. Как считают исследователи, культурно-образовательные практики «могут стать эффективным инструментом достижения реальных личностных результатов, которые, в конечном итоге, и есть основной итог образовательной деятельности» [16, с. 199]. Сущность и содержание данного понятия подчеркивает необходимость установления осмысленного диалога личности

с миром в процессе деятельностного освоения индивидом культуры, реализуемого в образовательной, производственной, исследовательской, досуговой, художественной, игровой деятельности.

Заключение. Таким образом, в рамках сферы образования культурные практики являются эффективным средством сбережения, развития и репрезентации белорусского нематериального культурного наследия. В структурном аспекте они являются компонентами культурно-образовательной среды, которая «доступна для восприятия, оказывает непрерывное влияние на чувства и настроения личности, усвоение духовно-нравственных ценностей, знаний, навыков и умений» [17, с. 220]. В этом контексте культурные практики позволяют сохранять традиционные ценности и культурные смыслы, превращая их в лично значимый компонент социальной деятельности всех субъектов образовательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смолик, А. И. Нематериальное культурное наследие как предмет дискурса культурологической школы Беларуси / А. И. Смолик // Вісник Маріупольскаго дзяржаўнага ўніверсітэту. Серія: філосафія, культуралогія, сацыялогія. – 2020. – Вип. 20. – С. 94–100.
2. Мартыненко, И. Э. Охрана нематериального культурного наследия: опыт государств – участников СНГ / И. Э. Мартыненко // Диалог: политика, право, экономика. – 2018. – № 2 (9). – С. 85–94.
3. Покровский, А. В. Исполнительское искусство / А. В. Покровский // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – № 4 (11). – С. 81–83.
4. Арефьев, М. А. Культурантропологический подход о человеке как творце и продукте культуры / М. А. Арефьев, А. Ф. Грызлова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2021. – Том 10. № 6А. – С. 213–227.
5. Марков, Б. В. Культурные практики формирования человеческих качеств / Б. В. Марков // Вестник МГТУ. – 2014. – Том 17, № 4. – С. 698–706.
6. Акулова, Е. Ф. Образовательный процесс как сложившаяся традиция социума / Е. Ф. Акулова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2009. – № 12 (91). – С. 57–64.
7. Федотова, Н. Г. Культурные практики в контексте формирования символического капитала места / Н. Г. Федотова // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14, № 5. – С. 550–557.
8. Смолик, А. И. Топология Востока и Запада в белорусском культурологическом дискурсе / А. И. Смолик // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. – 2020. – № 3 (37). – С. 93–102.
9. Архипова, О. В. Цифровые тренды культуры: опыт трансформации культурных практик / О. В. Архипова // Петербургский экономический журнал. – 2018. – № 1. – С. 70–76.
10. Большаков, В. П. Культурные практики в процессах становления культуры / В. П. Большаков // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 2 (27). – С. 16–22.

REFERENCES

1. Smolik, A. I. Nematerial'noe kul'turnoe nasledie kak predmet diskursa kul'turologicheskoy shkoly Belarusi / A. I. Smolik // Visnik Mariupol'skogo derzhavnogo universitetu. Serij: filosofij, kul'turologij, soziologij. – 2020. – Vip. 20. – S. 94–100.
2. Martynenko, I. E. Ohrana nematerial'nogo kul'turnogo nasledija: opyt gosudarstv – uchastnikov SNG/ I. E. Martynenko // Dialog: politika, pravo, ekonomika. – 2018. – № 2 (9). – S. 85–94.
3. Pokrovskij, A. V. Ispolnitel'skoe iskusstvo / A. V. Pokrovskij // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'ski zhurnal. – 2013. – № 4 (11). – S. 81–83.
4. Aref'ev, M. A. Kul'turanropologicheskij podhod o cheloveke kak tvorzei produkte kul'tury / M. A. Aref'ev, A. F. Grizlova // Kontekst i refleksij: filosofij o mire i cheloveke. – 2021. – Tom 10, № 6A. – S. 213–227.
5. Markov, B. V. Kul'turnye praktiki formirovanija chelovecheskih kachestv / B. V. Markov // Vestnik MG TU. – 2014. – Tom 17, № 4. – S. 698–706.
6. Akulova, E. F. Obrazovatel'nyj process kak slozhivshajsja tradicija sociuma / E. F. Akulova // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gerzena. – 2009. – № 12 (91). – S. 57–64.
7. Fedotova, N. G. Kul'turnye praktiki v kontekste formirovanija simvolicheskogo kapitala mesta / N. G. Fedotova // Observatorija kul'tury. – 2017. – T. 14, № 5. – S. 550–557.
8. Smolik, A. I. Topologij Vostoka i Zapada v belorusskom kul'turologicheskome diskurse / A. I. Smolik // Vesnik Belaruskaga dzjrdzaunaga universiteta kul'tury i mastaztvau. 2020. – № 3 (37). – S. 93–102.
9. Arhipova, O. V. Cifrovye trendy kul'tury: opyt transformacii kul'turnyh praktik / O. V. Arhipova // Peterburgskij ekonomicheskij zhurnal. – 2018. – № 1. – S. 70–76.
10. Bol'shakov, V. P. Kul'turnye praktiki v processah stanovlenija kul'tury / V. P. Bol'shakov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'turyi iskusstv. – 2016. – № 2 (27). – S. 16–22.

11. *Большаков, В. П.* Особенности гендерных культурных практик / В. П. Большаков // Вестник СПбГИК. – 2018. – № 4 (37). – С. 60–64.
12. *Скокова, Л. Г.* Современные исследования культурных практик в контексте социальной и культурной стратификации / Л. Г. Скокова // Социологический альманах. – 2014. – № 5. – С. 232–243.
13. *Шугаев, А. М.* Воспитание национального самосознания в фольклорном коллективе (из опыта работы народного ансамбля белорусской музыки и песни «Ярыца») / А. М. Шугаев // Весті БДПУ. Серыя 2. – 2019. – № 2. – С. 135–141.
14. *Зюзов, Н. Ф.* Культурные практики как основание формирования национальной идеи / Н. Ф. Зюзов, Н. С. Пичко // Человек. Культура. Образование – Human. Culture. Education. – 2020. – № 1(35). – С. 14–22.
15. *Ильина, Н. Ф.* Педагогическая деятельность как культурная практика / Н. Ф. Ильина // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2016. – № 2 (22). – С. 139–144.
16. *Ванюшкина, Л. М.* Культурно-образовательные практики: новый образовательный формат / Л. М. Ванюшкина, Е. Н. Коробкова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 3 (64). – С. 197–199.
17. *Бондарь, Ю. П.* Культура как образование: теоретико-прикладной анализ: моногр. / Ю. П. Бондарь, А. И. Смолик ; М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; науч. ред. П. И. Бондарь. – Минск : БГУКИ, 2015. – 301 с.
11. *Bol'shakov, V. P.* Osobennosti gendernyh kul'turnyh praktik / V. P. Bol'shakov // Vestnik SPbGIK. – 2018. – № 4 (37). – S. 60–64.
12. *Skokova, L. G.* Sovremennye issledovanija kul'turnyh praktik v kontekste social'noj i kul'turnoj stratifikacii / L. G. Skokova // Sociologicheskij al'manah. – 2014. – № 5. – S. 232–243.
13. *Shugaev, A. M.* Vospitanie nacional'nogo samosjznaniya v fol'klornom kollektive (iz opyta raboty narodnogo ansamblja belorussoj muzykii pesni «Jaryca») / A. M. Shugaev // Vesci BDPU. Seryja 2. – 2019. – № 2. – S. 135–141.
14. *Zjuzev, N. F.* Kul'turnye praktiki kak osnovanie formirovaniya nacional'nojidei / N. F. Zjuzev, N. S. Pichko // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie – Human. Culture. Education. – 2020. – № 1(35). – S. 14–22.
15. *Il'ina, N. F.* Pedagogicheskaja dejatel'nost kak kul'turnaja praktika/ N. F. Il'ina // Professional'noe obrazovanie v Rossiizarubezhom. – 2016. – № 2 (22). – S. 139–144.
16. *Vanjushkina, L. M.* Kul'turno-obrazovatel'nye praktiki: novyj obrazovatel'nyj format / L. M. Vanjushkina, E. N. Korobkova // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. – 2017. – № 3 (64). – S. 197–199.
17. *Bondar, Y. P.* Kul'tura kak obrazovanie: teoretiko-prikladnoj analiz: monogr. / Y. P. Bondar, A. I. Smolik ; M-vo kul'turj Resp. Belarus, Belarus. gos. un-t kul'turj i iskusstv ; nauch. red. P. I. Bondar. – Minsk : BGUKI, 2015. – 301 s.